

Асмодей нашего времени

("Отцы и дети". Роман Тургенева. "Русский вестник", 1862 г., No 2, февраль)

Текст статьи воспроизведен по изданию: М. А. Антонович. Литературно-критические статьи. М.--Л., 1961.

Печально я гляжу на наше поколение. [1]

Всем интересующимся литературой и близким к ней известно было по печатным и устным слухам, что г. Тургенев имеет художественный замысел сочинить роман, изобразить в нем современное движение русского общества, высказать в художественной форме свой взгляд на современное молодое поколение и разъяснить свои отношения к нему. Несколько раз стоустая молва разносила весть, что роман уже готов, что он печатается и скоро выйдет в свет; однако роман не появлялся; говорили, что автор приостановил печатание его, переделывал, исправлял и дополнял свое произведение, затем снова отдавал в печать и снова принимался за его переделку. Всеми овладело нетерпение; лихорадочное ожидание напряжено было до высшей степени; всем хотелось поскорей увидеть новое произведение знамени того симпатического художника и любимца публики. Самый предмет романа возбуждал живейший интерес: талант г. Тургенева обращается на современное молодое поколение; поэт взялся за юность, весну жизни, самый поэтический сюжет. Молодое поколение, всегда доверчивое, заранее услаждалось надеждой увидеть свой; портрет, нарисованный искусною рукою симпатического художника, который будет содействовать развитию его самосознания и сделается его руководителем; оно посмотрит на самого себя со стороны, критически взглянет на свое изображение в зеркале таланта и лучше поймет себя, свои достоинства и недостатки, свое призвание и назначение. И вот желанный час настал; давно и с нетерпением ожидаемый и несколько раз предсказанный роман явился наконец подле "Геологических очерков Кавказа", ну, разумеется, все от мала до велика с жаром бросились на него, как голодные волки на добычу.

И начинается всеобщее чтение романа. С первых же страниц, к величайшему изумлению читающего, им овладевает некоторого рода скука; но, разумеется, вы этим не смущаетесь и продолжаете читать, надеясь, что дальше будет лучше, что автор войдет в свою роль, что талант возьмет свое и невольно увлечет ваше внимание. А между тем и дальше, когда действие романа развертывается перед вами вполне, ваше любопытство не шевелится, ваше чувство остается нетронутым; чтение производит на вас какое-то неудовлетворительное впечатление, которое отражается не на чувстве, а, что всего удивительнее, на уме. Вас обдаёт каким-то мертвящим холодом; вы не живете с действующими лицами романа, не проникаетесь их жизнью, а начинаете холодно рассуждать с ними, или, точнее, следить за их рассуждениями. Вы забываете, что перед вами лежит роман талантливого художника, и воображаете, что вы читаете морально-философский трактат, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тем самым производит неприятное впечатление и на ваше чувство. Это показывает, что новое произведение г. Тургенева крайне неудовлетворительно в художественном отношении. Давнишним и рьяным поклонникам г. Тургенева не понравится такой отзыв об его романе, они найдут его резким и даже, пожалуй, несправедливым. Да, признаемся, мы и сами удивились тому впечатлению, которое произвели на нас "Отцы и дети". Мы, правда, и не ожидали от г. Тургенева чего-нибудь особенного и необыкновенного, как не ожидали, вероятно, и все те, кто помнит его "Первую любовь"; но и в ней все-таки были сцены, на которых можно было остановиться не без удовольствия и отдохнуть после разных, совершенно непоэтических, причуд героини. В новом романе г. Тургенева нет даже и подобных оазисов; негде укрыться от удушливого зноя странных рассуждений и хоть на минуту освободиться от неприятного, раздражительного впечатления, производимого общим ходом изображаемых действий и сцен. Что всего удивительнее, в новом произведении г. Тургенева нет даже того психологического анализа, с которым он, бывало, прежде разбираал игру чувств у своих героев, и который приятно щекотал, чувство читателя; нет художественных изображений, картин природы, которыми действительно нельзя было не залюбоваться и которые доставляли всякому читателю несколько минут наслаждения чистого и спокойного и невольно располагали его симпатизировать автору и благодарить его. В "Отцах и детях" он скупится на описание, не обращает внимания на природу; после незначительных отступлений он торопится к своим героям, бережет место и силы для чего-то другого и вместо полных картин проводит